

## **Феномен кожинова Сергей Кара-Мурза в беседе с Виктором Кожемяко**

*25 января будет ровно год, как нет с нами Вадима Кожина. Хотя надо говорить точнее: нет его физически, а духовное присутствие в нашей жизни этого замечательного русского мыслителя и литератора не только остается, но, можно сказать, возрастает. Так, лишь за минувший год вышло несколько кожиновских книг. В издательстве «Согласие» выпущен большой сборник «Размышления об Искусстве, Литературе и Истории», в «Алгоритме» переизданы двухтомник «Россия. век XX», книга «Как пишут стихи», дополненный вариант знаменитой книги о Тютчеве под заголовком «Пророк в своем Отечестве».*

*Стало ясно, что значение самого Кожина как «пророка в своем Отечестве» нам еще предстоит осмыслить. Этому и посвящена публикуемая беседа.*

*Да, выдающийся!*

*Виктор КОЖЕМЯКО. Сергей Георгиевич, приглашаю вас к разговору. Хочется поговорить о месте Вадима Кожина в нашей общественной мысли. Обращаюсь к вам, поскольку он вас высоко ценил, считал, по-моему, в некотором роде своим преемником. Так вот, о Кожине я еще при его жизни писал: «выдающийся мыслитель». Вы с этим согласны?*

*Сергей КАРА-МУРЗА. Как элемент образа Кожина эту оценку можно признать. Но на самом деле в России мыслителей много, и даже, я считаю, великих мыслителей. А Кожин, кроме того, был еще и большой мастер, я бы сказал, технолог мысли. То есть он мог не только интуитивно достичь каких-то прозрений, но и превратить их в такой интеллектуальный продукт, на котором могли бы учиться целые поколения. Вот соединение этих качеств делает Вадима Валериановича редким, а в нынешнее время — исключительным явлением нашей культуры.*

*В.К.* Если все-таки вы принимаете оценку «выдающийся», скажите, что вам представляется наиболее значимым в его прозрениях, то есть в постижениях его мысли?

*С.К.-М.* Давайте разделим. Постигание — это как бы результат, который предлагается обществу. А есть также процесс, способ постижения результата — об этом отдельно поговорим.

*В.К.* Согласен.

*С.К.-М.* О результатах его работы я бы вот что сказал. Он первым прорвал скорлупу официозной историографии, которая, вообще говоря, в чем-то нас загнала в угол и во многом способствовала тому, что в массовом сознании возникла предрасположенность к антисоветизму. Он, как будто будучи тесно не обрученным с советским строем, в какой-то степени отстраненным от него, смог выйти за официальные рамки. И сказал немало такого, что, будь это сказано, допустим, в 60-е годы — с его разработанностью, — может быть, наша история несколько по-другому бы складывалась.

Вот пример. Говоря о смысле русской революции, он считал, что Гражданская война была войной двух революционных течений, то есть это была война Февраля с Октябрем. Это совершенно меняет наше представление о ней, иначе поворачивает проблему красных и белых, с точки зрения нашей судьбы. Эта проблема в прежней постановке вообще, можно сказать, снимается.

*В.К.* И заменяется?

*С.К.-М.* И заменяется проблемой русской или российской цивилизации, угрозы ее растряпания, исчезновения под флагом либеральной модернизации. Такая постановка вопроса на целую эпоху более правильная. Если развивать эту тему, то множество выводов, в которых вращается наша мысль до сих пор, действительно снимается, а многие загадки нашей истории укладываются в совершенно непротиворечивую картину.

Вот вам первое прозрение. Второе, я считаю, производно от него. Это — расстановка сил в России, которые действовали перед революцией. По-иному понимается линия фронта, проходившая между ними. Например, его небольшая книга о черносотенцах и революции дает определенные методологические рамки, в которых мысль может освоить весь этот хаос, в реальности часто непонятный.

*В.К.* Что для вас наиболее интересно в этой работе?

*С.К.-М.* Лично для меня наиболее интересна методологическая часть. А также выводы, к которым он убедительно идет совершенно новым методом. Он как бы идет не от советских источников, а, наоборот, от противников Октябрьской революции и советского строя. Но вывод каков? Что не было другой возможности выжить и восстановить Российское государство, как только через советский проект. И это признали в свое время даже многие консерваторы, крайние противники советского строя, а также более либеральные противники. Для обоснования этого вывода он находит очень веские соображения. Не идеологические и даже не конъюнктурно-социальные, а соображения цивилизационного масштаба.

Способ его изложения не просто убедителен. В этом его способе есть, так сказать, поэтическое очарование! Потому многие из тех, кто не может критически осмыслить кожиновскую аргументацию, принимают его прозрения как какое-то облегчение своего внутреннего неустройства.

Все это делает Кожина очень значительным на нашем общественном и культурном горизонте. Само его присутствие в нашей нынешней, такой тяжелой общественной жизни стабилизирует обстановку, не позволяет впасть в маразм многим, которые к этому тяготеют.

*В.К.* Однако ведь он проделал эволюцию очень непростую, особенно в осмыслении Гражданской войны, советского периода, социализма. Мне он не раз говорил об этом. Было время, когда он был молод и начинал почти с полного неприятия всего, что связано с революцией и социализмом. Это конец 50-х — начало 60-х годов. Откуда шло такое

неприятие, понятно. Оно как бы противостояло отрицанию или умалению значимости тысячелетней истории России. Ну, например, «слоганами», что мы родом из Октября. В чем-то восприятии получалось, что со временем до Октября у нас вроде ничего общего. Это вызывало раздражение, в том числе у него. Он проделал путь, как сам говорил, от неприятия, отрицания к выводам, что революцию «отменить» нельзя, советский наш период и всю историю России отменить нельзя, социализм отменить нельзя. Что бы вы по этому поводу сказали?

*С.К.-М.* Что касается его траектории в идеологическом плане, то я подчеркнул бы следующее. У него было такое важное качество, которое тоже не часто встречается, — это интеллектуальная честность. Для такого человека неважно, откуда он движется, хоть из самой крайней антисоветской позиции. Но если он честно берет явления и честно измеряет их, то неизбежно приходит к выводам, которые сделал Кожин. Вадиму Валериановичу, может быть, поначалу было даже и не очень приятно то, к чему он пришел. У него было много чисто эстетических и душевных неприятий. Я, например, советским строем восхищаюсь. Кажется, у нас никогда не будет такого взлета, это был какой-то космический проблеск. Он так не считает. Мы исходим из разных точек, но пришли к очень близким выводам. К тому, о чем вы сейчас говорили.

Почему многие люди, работающие в интеллектуальном плане, не могут прийти, как Вадим Валерианович, к прозрениям? Потому что эти их личные приятия и неприятия так сильно довлеют, что они теряют интеллектуальную честность. По-моему, это общее свойство наших так называемых антисоветских патриотов.

А вот у него эти две составляющие — чувства и разум — как-то не уничтожили друг друга. С одной стороны, он себя не насиловал этически и эстетически, с другой — эту главную свою нить, как шелкопряд, ткал, ткал, ткал. И проверял ее все время! Этому, конечно, научиться трудно, но многое можно освоить.

Лаборатория его мысли

*В.К.* Сейчас вы будете говорить о технологии кожиновской работы. Но прежде чем перейти к этому, давайте сориентируемся на читателя, который, возможно, очень мало читал Кожина. Хорошо бы человеку, не знакомому с Кожинным, привести из его трудов один-два примера, которые могли бы каждого заинтересовать.

*С.К.-М.* О главных выводах я уже сказал. Он начал с революции, но распространяет свой метод на всю историю. О революции он говорил не только как о борьбе классов и социальных групп. Другая проблема нашего русского бытия — это проблема соединения цивилизаций как бы внутри самой России: русские и степь.

Я считаю, что он эту проблему исследовал и раскрыл лучше, чем Гумилев. Тот поднял ее экстравагантно, однако во многом непривычно и недоступно для «среднего» читателя. А Кожин ту же проблему выразил простыми житейскими понятиями.

*В.К.* Потому и интересно.

*С.К.-М.* Вот, скажем, становление Руси. Кожин прекрасно понимал, что нельзя переносить нынешнее понятие о национальности на такие далекие периоды истории. Князь Игорь почти был половец, на три четверти. Мы же пытаемся сейчас представить поход Игоря против половцев как межнациональную войну. То есть создаем исторические мифы, которые любой манипулятор может использовать в своих интересах. Кожин нам здесь дает совершенно иное представление об историческом времени, о том, как его понимать, дает урок. Но при этом массу сведений сообщает о татарском нашествии. То есть он это евразийство, которое для многих совершенно неизвестно как доктрина, переводит на язык абсолютно понятный: как русское слово возникло, как былины возникли, что былины выражают специфическую борьбу русских против большой империи хазаров, а не против всяких степняков.

*В.К.* Вот это уже открытие.

*С.К.-М.* Вообще говоря, Гумилев о том же самом писал, и много научных, чисто специальных работ об этом же. Но в широкую культуру это мог ввести только человек типа Кожина, который, с одной стороны, освоил научный материал, а с другой — мог превратить его в научный продукт. Он огромный исторический материал переварил и изложил. Однако это не переводчик, который популяризирует. Вообще-то, ученый-специалист не обязан связывать эпохи — положим, XX век и IX или XI. Но Кожин, можно сказать, был поэт, который не стихи писал, а, как стихи, складывал вот такие рациональные категории. Он мог «переписать» научный труд в художественном изложении, которое обладает очарованием, то есть совершенно новым качеством.

*В.К.* И отсюда заголовок его большой работы в журнале «Наш современник» — «Загадочные страницы истории XX века». И это сразу привлекает внимание. Я бы сказал, что не дешевый это у него прием. Он действительно идет по таким точкам нашей истории, которые представляли и еще представляют в определенном смысле загадку. Он отбирает какие-то узловые моменты, где очень многое переплетается и очень многое вместе с тем раскрывается. И которые представляют в самом деле какую-то тайну, загадку, возможность многозначного толкования. Так ведь?

*С.К.-М.* Конечно, он берет критические периоды в истории России. В принципе можно взять любой эпизод и в нем как в капле воды показать всю концепцию. Но он, как мастер, берет эпизод, который находится в середине шкалы восприятия человека. Не настолько мелок, чтобы человек не заинтересовался, и не настолько трагичен, чтобы человек был потрясен и вообще ничего не соображал. Ну вот он не берет, например, эпизоды пыток на Лубянке, что часто делают всяческие идеологи... Чтобы кого-то осудить или кого-то приподнять, они стараются взять такое явление, которое ввергает человека в шок.

*В.К.* А приведите примеры кожиновского подхода к этому.

*С.К.-М.* Он берет, например, рассуждения Льва Разгона. Это средний человек, как говорится, не злодей и не герой. И вот Кожинов его так препарирует, что это и интересно, и вместе с тем ты не теряешь способность думать, когда читаешь.

*В.К.* И в то же время очарование читательской массы сочинениями Разгона снимается. Он ведь показывает и его подтасовки, и мелкотравчатость, и лживость.

*С.К.-М.* Он на этом не педалирует, громких слов не употребляет. Это особый тип мысли. Все-таки надо отметить и уникальность Вадима Валериановича. Есть вещи, которым надо учиться, но трудно.

Так вот, Вадим Валерианович мог одновременно охватывать огромные временные пространства, то есть он очень много брал материала сразу. И в то же время скрупулезно разбирал «мелочи». Получается, что вы читаете про Разгона, а видите весь XX век. Он же не взял какого-то отморозка. Мышление Разгона — это мышление типичного среднего либерального интеллигента. На основе этой ничтожной фигуры он обозначил большое культурное явление.

У Кожинова эта связь микрокосмоса с макрокосмосом присутствует постоянно — в его даже маленьких вещах. Поэтому качество текстов его резко выделяется в нашем нынешнем обществоведении. Он задал очень высокий и совершенно новый стандарт, которого у нас раньше не было.

Ему свойственно интеллектуальное мужество

*В.К.* Относительно черносотенцев интересно уже потому, что сложились какие-то определенные стандарты даже в восприятии самого этого термина. Поэтому то, что открывал Вадим Валерианович, с особым интересом воспринималось. Поскольку привыкли: черносотенец — это антисемит. А он показывает, что это не совсем так.

*С.К.-М.* Для Вадима Валериановича интеллектуальная честность обязательна, но этого еще мало. Есть честные люди, которые честно молчат, на скользкий лед, как говорится, не ступают. У Кожинова же было

интеллектуальное мужество, кроме честности. Уметь преодолеть свои собственные заблуждения, предпочтения — такое тоже нелегко. А Кожинов не боялся высказывать вещи, очень нежелательные его близкому окружению, без которого он вообще не мог. Ведь человек не может жить в вакууме. Но он шел на это. Очень многие его прозрения в нашем патриотическом лагере не нравились. Это особое отношение к его работам чувствовалось, и вы, наверное, это замечаете.

*В.К.* Конечно, это так. Но не только в этом лагере.

*С.К.-М.* О другом лагере мы не говорим. Он, конечно, истинный патриот России. Поэтому мнение, например, Хакамады или какого-нибудь Немцова немного для него значило. Для него значило мнение высококультурных людей и патриотов. Тем не менее в отношении советского проекта, в отношении Гражданской войны и революции он говорил вещи, которые там многим не нравились. Там, я считаю, сложилась упрощенная и удобная трактовка истории, от которой им не хотелось отказываться.

Возьмем для примера Шафаревича. Фигура крупная и представительная. В рамках этой трактовки он делает много добротных выступлений, которые нанизываются одно на другое. Ему ставить под сомнение сами постулаты этой трактовки явно не хочется, чистый ученый нередко вообще на это не идет. Если теория работает, он ее не отвергает, хотя бы и узнал, что она неправильная.

*В.К.* Кстати, у меня почему-то язык не поворачивается, рука не поднимается писать о Кожинове — «ученый». Я охотнее употреблю слово «мыслитель». Наверное, есть этому какое-то оправдание, кроме того, что он был всего лишь кандидат наук. Не доктор, тем более не академик. Я не отрицаю, что он ученый, но все-таки мне хочется сказать о нем — мыслитель.

*С.К.-М.* Это у вас так. Я считаю Кожинова прежде всего большим ученым. Более того, в нашем обществоведении из гуманитарев — это

первый человек. Правда, я не знал Ильенкова, Бахтина, которые на него оказали большое влияние. Не знал лично и глубоко не читал. Потом только стал...

*В.К.* Как вы открыли Кожина для себя? Когда примерно?

*С.К.-М.* В конце 80-х годов. Когда мы познакомились, он мне подарил книгу о Тютчеве, я ее прочитал. Меня он привлек тем, что я впервые увидел гуманитария и человека, близкого к художественной интеллигенции, который владел нормальным, кондовым, как бы сказать, научным мышлением. И сколько я ни перебирал потом, из ныне живущих не могу увидеть такого.

*В.К.* А вот, Сергей Георгиевич, где вы познакомились лично? Вы помните?

*С.К.-М.* Помню. Была тогда депутатская группа «Союз». В 1991 году они пригласили несколько человек поговорить о России как цивилизации. Пришли Кожин, Шафаревич и, в частности, я.

*В.К.* Это группа Алксниса?

*С.К.-М.* Да, Петрушенко еще там был, да многие... И Кожин подошел ко мне. Он, оказывается, читал книги моего отца, знал учеников его. Я тут же поддержал это знакомство. Он мне очень нравился.

*В.К.* Вы же к тому времени читали его работы?

*С.К.-М.* Читал, конечно. В «Нашем современнике» тогда ведь часто появлялись его публикации. Я всю жизнь трудился как научный работник, и меня всю жизнь травмировало, что в нашем обществоведении и в среде художественной интеллигенции гуманитарного профиля не просто нет научного мышления, но во многом господствует антинаучное. А тут я увидел человека, который, с одной стороны, вхож в эту публику и может с ней разговаривать, и в то же время он сам продуцирует идеи.

Я сказал, что интеллектуальная честность — это свойство научного мышления, которое обязывает ко всем явлениям подходить со строгой мерой. Ну а наши гуманитарии берут какое-то явление, которое

действительно есть, но они могут его раздуть до такой величины, что оно вдруг оказывается совершенно несопоставимым со всем остальным. И получается, что с ними совершенно бесполезно спорить. Так, мы не отрицаем тот факт, что были репрессии. Но давайте поставим эти факты нашей жизни на место, которое они реально в ней занимали!

*В.К.* Ну, тот подход, о котором вы говорите, наверное, можно назвать публицистическим...

*С.К.-М.* Он господствует. Достоевский говорил, что художник обязательно должен гипертрофировать. Согласно этому, если художник описывает, скажем, страдания в КГБ, то весь мир кладется на весы. Это подход именно антинаучный. Он тоже нужен для познания действительности. Но когда он начинает господствовать, то получается горбачевская перестройка, и люди бегут за этим, переходя меру.

Так вот, Кожинов совсем не такой. Я считаю, что, может быть, он — действительно в чем-то уникальное явление. Далеко не все люди, работающие в науке, обладают способностью превратить верные умозаключения в такие тексты, которые к тому же людей очаровывают, увлекают. Поэтому читатель начинает как бы идти за таким человеком. Не грех за Кожиновым идти в его рассуждениях. Это не дешевый манипулятор.

*В.К.* Вы говорите об уникальности Кожинова, об особом очаровании его текстов, которые заставляют читателей идти за ним. Во многом тем самым не просто подтверждаете мое определение — «выдающийся», а поднимаете даже на еще большую высоту. И вместе с тем, согласитесь, когда живет вот такой человек среди людей — друзей, коллег, знакомых, домочадцев, то на него же просто смотрят: Вадим — это просто Вадим, или Дима. Я то и дело сталкиваюсь с восприятием, которое свидетельствует: для многих из тех, с кем он был близок, — в жизни, в работе — так и остался просто Вадимом. То, о чем Есенин писал: «Лицом к лицу лица не увидать».

И отсюда стремление, если хотите, его несколько принизить. Не знаю, может, грех беру на душу, но у кого-то, на мой взгляд, присутствует и зависть. Я не буду сейчас называть имен, фамилий, выступлений, которые появились после смерти Вадима Валериановича, однако для меня очень огорчительны такие вот выступления. Что вы на этот счет думаете?

*С.К.-М.* Я думаю, тут не только зависть. Тут, во-первых, неприязнь к человеку, который разрушил твой хорошо построенный и накатанный путь. Это естественно. И, кроме того, неприязнь за то, что вынуждены это терпеть, потому что не могут опровергнуть его. Я не считаю, что все эти чувства объясняются ревностью. Она была только в близком окружении или в довольно близком. Ну, конечно, многие с какими-то частными моделями или построениями Кожина были не согласны, и я в чем-то не согласен. Но это к делу не относится.

*В.К.* Скажем, вы возражали против употребления им применительно к нашему времени понятия реставрации. Он считал, что у нас идет реставрация. Вы с этим не согласны.

*С.К.-М.* Это мелочь, как в химической лаборатории по каким-то частным деталям бывает спор. А в целом я вижу, по своей переписке вижу, что у нас есть много молодых и способных людей, которые ценят Кожина так же, как я. То есть он открыл много путей, которые сам уже не мог, конечно, пробежать, но молодым на целый исторический период дал очень широкий коридор, в котором можно работать.

Поэтому значение Кожина, я считаю, должно расти. Если у нас культурный слой будет наращиваться, то и сделанное им будет распространяться. Что-то, им сделанное и открытое, будет терять свое авторство, многие находки или навыки метода Кожина войдут в культуру без его имени. Однако это не столь важно. Главное — его способы мышления и работы будут умножаться, а не сокращаться.

О нашем вчерашнем дне и о завтрашнем

*В.К.* Мне очень досадно, что он ушел как раз в тот момент, когда, как мне казалось, все больше и больше начинал заниматься советским нашим периодом, обращаться к этому времени, к его анализу и оценке. Причем это было связано со стремлением ввести данный период в общий исторический путь России, именно в этом контексте оценить его. Идя почти от полного неприятия, отрицания ко все более высокой оценке.

*С.К.-М.* Мне кажется, никогда не отрицал он его в сущности. Просто по молодости лет, по способу видения брал поначалу, как почти мы все, верхние, или, точнее, верхушечные проявления. Мы ведь не знали общества, в котором жили. Просто жили, как человек дышит, не ощущая. Так и мы советского строя не ощущали.

*В.К.* Согласен.

*С.К.-М.* Вот какая-то вонь пойдет от какой-нибудь трубы — это мы сразу замечаем, но не замечали воздуха, который вдыхали до этого.

Ну так вот, когда в культурном слое начались болезненные явления, когда люди, говоря о каком-то запахе, стали отрицать воздух, которым дышали, вот тут он интуитивно, мне кажется, стал все больше и больше настораживаться и перешел к анализу прошлого.

*В.К.* Вы абсолютно правы. Более того, он даже в политику пошел. Активно поддерживал КПРФ. Стал перед президентскими выборами доверенным лицом Зюганова.

*С.К.-М.* Он, может быть, не все сказал, далеко не все успел сказать, но он говорил очень важные вещи о советском строе. Он говорил о князе Игоре, о Киевской Руси, но все равно из этого тянется ниточка до советского строя, и более — до того, что с нами будет дальше. Исторический материал будет работать и на советскую проблематику. Весь материал Кожина, который он успел выложить, будет втянут в историческое исследование. Конечно, нам самим придется многое доработать, поскольку не все он нам сумел разжевать.

*В.К.* Вы только что выпустили в издательстве «Алгоритм» свой большой двухтомный труд о советской цивилизации. Работая над ним, опирались на Кожина и по-своему продолжили его...

*С.К.-М.* Да, конечно. Говоря о советском строе, он несколько загадок нам оставил. Сам их не проработал до конца, а мы теперь уже за него должны это сделать.

Под социализмом он понимал советский строй. Не социализм Руссо или Кампанеллы, или Мао Цзэдуна, а именно тот социализм, который вырос в России.

В то же время Вадим Валерианович хорошо видел масштабы катастрофы, которая советский строй постигла. По масштабу она такая же, какая постигла Россию досоветскую. Он понимал, что у нас есть как бы ген саморазрушения. Но повторял: все равно все образуется, Россия встанет!

Знаете, когда это говорит, например, Крупин или еще какой-нибудь писатель, то они уповают: «Бог нас не оставит, как-нибудь вытащит из этой трясины». Ведь других аргументов у этой части наших патриотов я, честно говоря, не нахожу.

Есть еще такие аргументы. Всегда, мол, вылезали, как-нибудь и сейчас вылезем. Для научного сознания эти аргументы абсолютно не действенны. Предположим, что человек десять раз болел воспалением легких и поправлялся — что же, значит, и на одиннадцатый раз заболевши, поправится? А вот на одиннадцатый хлопок — и нету...

Кожин, будучи не только мыслителем, как вы сказали, но и ученым, владеющим научным мышлением, все явления, которые он брал для рассмотрения, прокатывал именно через научное мышление. И через художественное, через религиозное, через историческое, то есть через разные способы анализа, но не отклоняясь от жестких стандартов, принятых в науке.

*В.К.* Теперь скажите, как он рассматривал наше будущее?

*С.К.-М.* Кожин, в отличие от Крупина, например, не мог просто так уповать на Бога, на историю. У него не были разработаны до конца, но имелись веские основания считать, что не может нынешняя катастрофа, при всех ее масштабах и опасности, нас распылить, окончательно подсесть корни нашей культуры. Носители русской культуры сохранятся и через несколько десятков лет все равно войдут в нее. У него были друзья и в других странах, глубоко проникнутые русской культурой. Даже в них, в таких людях, могут быть сохранены и размножены гены русской культуры. То есть он оценивал, насколько русская культура и тип русского человека, его взгляд на мир, на других людей, на землю укоренились в человечестве. И пришел к выводу, что эта катастрофа нас не сломает. Хотя, конечно, много будет потерь. Такая мысль и для меня была важна, потому что это — не упование людей, которые боятся взглянуть правде в глаза. Вот верят — и все, иначе, как говорится, и жить не могут. Большинство, я бы сказал, на таком уровне верят.

*В.К.* Да, конечно.

*С.К.-М.* Кожин совершенно не такой человек. Его вера основана на том, что он подвергает нашу нынешнюю реальность очень многим анализам.

*В.К.* Так вот потому он и особенно ценен с этой точки зрения! Потому я с вами и говорю об этом.

*С.К.-М.* Та мысль повторялась в течение многих лет в ходе наших разговоров.

*В.К.* Какая мысль?

*С.К.-М.* Что нас еще не сломают и в этот раз. Не добьют, не распылят наши культурные гены, так что их потом и не соберешь.

Я-то видел, что есть очень большая опасность именно в этом. Бухгалтерский анализ говорит, что до сих пор велика опасность. Однако считаю — мысль его верная. Мы должны превратить ее в разработанную объяснительную модель. И она не должна нас разоружать, потому что

стопроцентной гарантии все равно нет. Но, если мы очухаемся, как говорится, и начнем действовать, то у нас очень большая надежда, почти уверенность, что есть возможность вылезти из этой ямы, в которую нас ввергли.

К этой мысли Кожинов пришел все-таки не эмоционально. К этому подводит многое из того, что он делал все последние десять лет. Думаю, через некоторое время мы сможем ее доработать до более полного рассуждения.

*В.К.* Это очень важно. Это — ваша теперь, Сергей Георгиевич, задача.

*С.К.-М.* Есть люди, которые Кожинова читают и находятся на уровне его метода. Вот сложилось такое сообщество, которое можно назвать его цехом в России, а может быть, и вне России. Тот же Паршев, например.

*В.К.* Да-да, которого он высоко ценил наряду с вами. Высоко оценивал его книгу «Почему Россия не Америка».

*С.К.-М.* Так вот, продолжатели есть. И они работают.

Я почти не говорил о личности Вадима Валериановича. А это — удивительная во многих отношениях личность, и была почва для ее появления. Как человек он не был ведь очень лиричным в отношениях. Это был человек довольно жесткий, я считаю. И он совершенно не старился интеллектуально! Был, как очень боевая лошадь, — рабочая, сухая и жесткая.

*В.К.* А как он старался поддержать, помочь, дать трибуну людям, которых считал интересными и значительными по их мысли, по открытиям! Вот вас он же мне рекомендовал с рассыпанной тогда вашей книгой в издательстве «Молодая гвардия». И того же Андрея Паршева. Он о нем все время говорил. Это в моих глазах исключительно ценное качество. Или, вспомните, певцы Николай Тюрин и Александр Васин, которых мало кто слышал, а он с ними носился в хорошем смысле этого слова. Потому что понимал — талант дорогого стоит. И очень хотел,

чтобы это поняли другие, чтобы оценили! Согласитесь, это же замечательное свойство человека...

*С.К.-М.* Да, без него беднее гораздо стало.

*...Январь 2002 г.*